

Муниципальное казенное учреждение дополнительного образования
Кантемировский дом детского творчества
Кантемировского муниципального района Воронежской области

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ «Война в глазах детей»

р.п. Кантемировка, 2020 год

Своими впечатлениями о событиях военного и послевоенного времени поделились жители Кантемировского района, которые в ту пору были ещё детьми.

Они, пережившие войну, холод и голод, призывают нас к тому, чтобы мы сохраняли мир на нашей земле, помогали друг другу и не забывали подвиги советских солдат. Читая их истории, мысленно переносишься в то время, чувствуешь всё то горе и страх, что они пережили и понимаешь, что в наше время мы имеем условия для комфортной жизни, у нас над головой мирное небо. Начинаешь больше ценить то, что имеешь.

Сборник воспоминаний «Война в глазах детей»/
[Текст] Авт.-сост.: Середя Н.М., Муаммар И.А. –
Кантемировка: МКУ ДО Кантемировский ДДТ, 2020.-35 с.

Антонина видела бои, и как после в село привозили раненых советских солдат. Их привозили к ним в дом, а также в соседские дома. На полу разложили солому, чтобы на неё укладывать раненых бойцов. Антонина помогла им подняться, подавала воду. Тяжелораненных увозили на телеге в госпиталь в Кантемировку. Тела умерших складывали в сарай.

Позже на окраине Смаглеевки, прибывшие в село солдаты, вырыли могилу, в которой похоронили всех погибших. Тела везли со всей округи. Во время захоронения никого к могиле не подпускали. Но дети всё равно бегали посмотреть, в их числе была и Антонина.

Она вспоминает, как в их доме скрывался командир партизанского отряда, который однажды спас жителей всего села.

После войны Антонина отправилась в Ленинград на торфоразработки. Вернувшись домой, вышла замуж и родила двоих детей. Работала Антонина в колхозе до 65 лет.

(по материалам газеты «Кантемировский вестник» от 15.09.2015 и 21.01.2020 года)

Бондаренко Антонина Максимовна

Великая Отечественная война – одно из самых ужасных испытаний, выпавших на долю русского народа. Её тяжести и кровопролитие оставили огромный отпечаток в сознании людей и имели тяжелые последствия для жизни целого поколения. Историческое военное прошлое Кантемировской земли особенное. Название района увековечено в почётном звании прославленной Кантемировской танковой дивизии, которая освобождала поселок в 1942 году. Все меньше остаётся свидетелей того времени. Немного больше тех, кого мы называем «Дети войны». Поколение детей войны – это наши прабабушки и прадедушки. Дети и война – два несовместимых понятия. Но дети жили и работали рядом со взрослыми, своим посильным трудом старались приблизить победу.

Их воспоминания – последняя нить, связывающая современное поколение с подлинной историей военных лет. У нас есть небольшой запас времени, чтобы зафиксировать эти воспоминания, осмыслить рассказы о военном детстве и сохранить для последующих поколений - во имя благодарной памяти поколению уходящему, во имя мирного будущего для поколений грядущих.

Кузнецова (Ярцева) Галина Власовна, 1937 год рождения.

Во время войны до 1944 года я жила в с. Талы Кантемировского района. А с 1947 года – в поселке Кантемировка.

Мама умерла в 1941 году. Кладбище тогда было заминировано, поэтому пришлось похоронить маму в огороде. Чтобы можно было найти могилку, вокруг посадили «Ханьки» - это такое растение. Пахать стали позже, после войны перепахали всё, от могилки ничего не осталось. Я жила в центре села с бабушкой и тётей Груней.

Папа у меня военный. Звали его Влас Тихонович. Позже он женился, и воспитывала меня мачеха, хорошая женщина. Помню, как итальянцы лягушек готовили: воду в котелке нагревают, лягушек туда высыпают, а они выскакивают. Для нас это было в диковинку. Уж очень они любили лягушачьи лапки.

Итальянцы не агрессивные были, угощали нас печеньем галетным, апельсинами, лимонами, которых мы никогда не пробовали раньше.

Антонина Максимовна Бондаренко, 1930 год

Когда началась война, Антонине было 11 лет, жила в с. Смаглеевка. Отец погиб на фронте, мать осталась одна с детьми, их у матери было пятеро. Когда в 1942 году в село пришли немцы, мать закопала документы дочери в огороде: боялась, что заберут дочь в Германию. Антонина Максимовна хорошо помнит события, которые происходили во время оккупации: «Когда я увидела немцев, и сколько техники у них было, я подумала, что наши со своими винтовочками, да пешком, никогда не победят».

Вспоминает, как у них во дворе остановилась полевая кухня. Немцы набирали из колодца воду и мылись возле него. Антонина подошла к колодцу и набрала воды из ведра, которое достал немец. За это ударил её с такой силой, что она отлетела и ударилась грудью о камни. Но другой немец набрал воды и отнёс её в дом матери. Еще был случай. Один немец, который говорил по-русски, копал картошку в их огороде. Антонина спросила у него: «А что же мы кушать будем?» На что он ответил: «А ты собирай мелкую картошку, которая нам не нужна».

Виктор Николаевич Руденко

Кузнецова (Ярцева) Галина Власовна

Но в основном, мы в погребах прятались от фашистских солдат.

Много детей покалечили гранаты, они были похожи на игрушки, разного цвета. Дети собирали их и подрывались.

Голодали мы в войну. Всех ворон переловили. Помню, отец присылал посылки с едой и одеждой - своё военное довольствие.

Запомнился момент, как хоронили одного военного. Впереди процессии шёл конь и плакал. Рассказывали, что он ещё и на кладбище приходил не раз.

Сейчас увлекаюсь чтением, хожу в библиотеку.

Виктор Руденко, 83 года, п. Кантемировка

Мне было 5 лет, когда пришли немцы. Много стёрлось из памяти, но один эпизод запомнился. Я с мамой был во дворе, как вдруг в небе показался самолёт. Он всё кружил и кружил. Я обрадовался и замахал руками, а мама схватила меня и бросилась к яме. Она легла и закрыла меня руками. Послышались взрывы и звон стёкол. Когда всё стихло, мы вылезли из ямы и увидели рядом с домом две воронки и одну неразорвавшуюся бомбу. Она застряла в земле. Потом её обезвредили. Воронки в дожди наполнялись водой. Одна была такая глубокая, что мы летом даже купались в ней. Отца Виктора забрали на фронт весной 1942 года. Маленький Виктор с нетерпением ждал почтальона и бегал на почту, чтобы узнать, не пришло ли письмо от папы. Отец Виктора вернулся домой в 1945 году. Сколько радости было!

После войны Виктор отправился по комсомольской путевке работать на шахты в Ростовскую область. Виктор Николаевич работал комбайнёром в колхозе «Кантемировец» в Казахстане. Потом была служба в армии. (По материалам газеты «Кантемировский вестник» от 24 марта 2020 года)

Герасимова Анна Васильевна

Волкова Клавдия Семёновна

Волкова Клавдия Семёновна, 21 июля 1937 года.

Когда началась война, мы жили поселке Кантемировка.

Помню, как мама пришла и сказала, что началась война. Мы плакали. Нас было трое у матери. Мне тогда было 5 лет. Отца забрали на фронт. Поначалу мы не знали, где он, как он. А спустя некоторое время мы получили извещение со словами, что 14 августа 1942 года отец погиб.

Потом мы с мамой переехали в с. Бык. У нас не было дома, мы жили у тётки. Помню, в окно постучал советский солдат. Я узнала, что он наш по звёздочке на фуражке. Тут все закричали: «Русские пришли!» Он попросился к нам в хату. Я на лежаночке сидела. Помню, конфетами меня угощал, похожими на горошек. Насыплет мне в подол платья, я ем.

Мама работала в колхозе. Она возила керосин из Быка в Кантемировку.

Немцев помню. Пришли они и стали гусей забирать. Я кричала на них. Тут один из них пистолет на меня наставил и говорит: «Я тебя «пух»! А другой сказал ему: «Не смей».

Герасимова Анна Васильевна, 1926 год

Родилась 10 апреля 1926г. в селе Талы Кантемировского района Воронежской области. В семье она была четвертым ребенком. До начала войны она училась в школе. Работала в колхозе на полях и фермах. В 1943 году была отправлена в город Свердловск (Урал) на военный завод. На заводе работала токарем, изготавливала снаряды для «Катюши». Два с половиной долгих, голодных года, занималась изготовлением снарядов. После победы над фашистами она продолжала работать на заводе еще около пяти лет. Сейчас этот завод начал выпускать продукт для электрооборудования. Всю жизнь Анна Васильевна трудилась, и за это её наградили медалью за доблестный и самоотверженный труд во время Великой Отечественной Войны и присвоили звание Ветеран труда.

Я шла к родственнице, как вдруг услышала громкий звук мотора. Я сильно испугалась и спряталась в развалинах старой хаты. Страх так сильно сковал меня от невиданного раньше чуда техники. Эти чувства помню, по сей день.

Помню, как кончилась война. По улице люди бежали и кричали: «Война кончилась! Война кончилась!»

Много мужчин не вернулось с войны, многие пропали без вести. В основном, погибли под Москвой.

После войны я пошла в школу. Окончила 7 классов. После дядя забрал меня с собой на Украину в Ворошиловград. Там я поступила в сельскохозяйственный техникум на ветеринара-фельдшера. После окончания вернулась домой и 40 лет проработала в колхозе.

Трудными были послевоенные годы, особенно в 47-48 годы пришлось нелегко - бедствовали. Зато помню, сколько снега раньше было зимой: сугробы были наравне с избышками. Мы любили с горки кататься. Весной тогда воды много было. Всё заливало. Сейчас такой снежной зимы уже нет.

Антонина Тимофеевна Дмитриева, 1936 год, с. Талы

Когда началась война, мне было четыре года. Навсегда в памяти осталось, как моего отца забирали на фронт. Помню, как он нёс меня на руках до военкомата. Мама шла позади нас и плакала. Уже не помню лица, но до сих пор чувствую теплоту отцовских рук. Мне казалось, что он такой большой и сильный. Отец с войны не вернулся. И только спустя годы мы узнали, что погиб он в 1943 году в Тверской области. Там он и был похоронен, где сейчас находится мемориал Московская Гора в посёлке Зубцов.

Во время войны мы с мамой жили в селе Талы Кантемировского района. Когда пришёл враг, нас выгоняли из домов. Тех, кто сопротивлялся – расстреливали. Нас с мамой приютили родственники, жившие на окраине села. Хорошо помню, как мы спрятались от немцев в овраге, но нас выдала собака. Взрослых забрали, а я осталась жива.

После освобождения села в памяти остался момент, как я из-за детской шалости едва не погибла. В то тяжёлое время игрушек у детей не было. И я насобирала по улице гранаты. Они казались мне такими интересными: разного цвета, необычной формы.

Дмитриева Антонина Тимофеевна

Салькова (Гладких) Наталья Ивановна

Я сидела на печи и держала на руках сестрѐнку. И тут в дом вошли итальянцы. Они говорили мне что-то, но я их не понимала. Я догадалась, что они спрашивают меня, где мать. Но я не могла даже слезть с печи, ведь я держала сестру. Один из итальянцев взял её на руки, помог мне слезть и затем вернул мне сестру. Мы вышли во двор. В это время мать уже набрала воды и возвращалась домой. Мы увидели её.

Тем временем итальянцы поймали у нас во дворе курицу. Они подошли к матери и, указывая на трепыхающуюся в руках птицу, просили мать приготовить её.

Мать с утра уже приготовила еду в печи. Дрова давно прогорели. Надо было заново растапливать, чтобы приготовить курицу. Мама моя была не робкого десятка. Она сказала им: «Не буду готовить!»

Они покрутились и ушли ни с чем. Итальянцы вообще не агрессивные были. Приходили, конечно, забирали кур, яйца, молоко. Но людей не трогали.

Еще ярким моментом осталось воспоминание о первом, увиденном мной мотоцикле. Я в то время вообще никакой техники не видела.

Я насобираала их целый подол. Мама как увидела меня с полным подолом этих смертельных игрушек, испугалась. Мы выбросили их в овраг. Хорошо, что они не взорвались. После этого случая мама строго-настрого запретила мне подбирать неизвестные вещи.

Ещё один случай был. Знакомый мальчишка нашёл гранату и закопал её, чтобы потом глушить рыбу. И, конечно, он рассказал всем детям о своей находке. Мы, так радовались: «Ого, сколько рыбы наловим! Наедемся!»

В один день мы решили испытать гранату в действии. Откопали её. И тут тот самый мальчишка, который нашёл её, дёрнул за чеку и бросил её. Раздался сильный взрыв. Мальчишка, бросивший гранату, остался без глаза, и был весь обожженный. Другой сильно ранен: осколки остались в ногах. А меня с подругой отбросило на несколько метров в овражек.

Победой было для нас освобождение нашего села. Мы радовались возвращению в родной дом. Мы учились в школе, потом работали. Сейчас мне 83 года. У меня три сына, четверо внуков и правнуков. Сама потихоньку двигаюсь. Бог велит всё терпеть, вот я живу и терплю.

Пономарёва Антонина Васильевна, 1939 год, с. Зайцевка

На войне погибли мой отец и дядя. О войне я узнала от родителей.

Немцы приходили, забирали овощи с огорода, коров, домашнюю птицу. Кур рубили прямо во дворе, на глазах у хозяев. Родители прятали нас на печке за шторкой.

Что сказать о вражеских солдатах: все разные были, но в основном, не проявляли агрессии. Некоторые даже показывали фото своей семьи и детей. Достанет итальянец из кармана фото и, тыча пальцем в серую фотографию, говорит: «Киндер, киндер». Или специально приходили пообщаться, угощали детей печеньем галетным.

Люди с погибших немцев одежду снимали, чтобы своим детям одежду сшить.

Помню, многие дети погибли: подрывались на неразорвавшихся снарядах. Я ходила в школу, окончила 7 классов. В школе училось тогда много детей. У меня в классе было 20 человек. На территории Зайцевки было в послевоенное время 4 колхоза и 2 школы – начальная и старшая.

Салькова (Гладких) Наталья Ивановна, 1936 года.

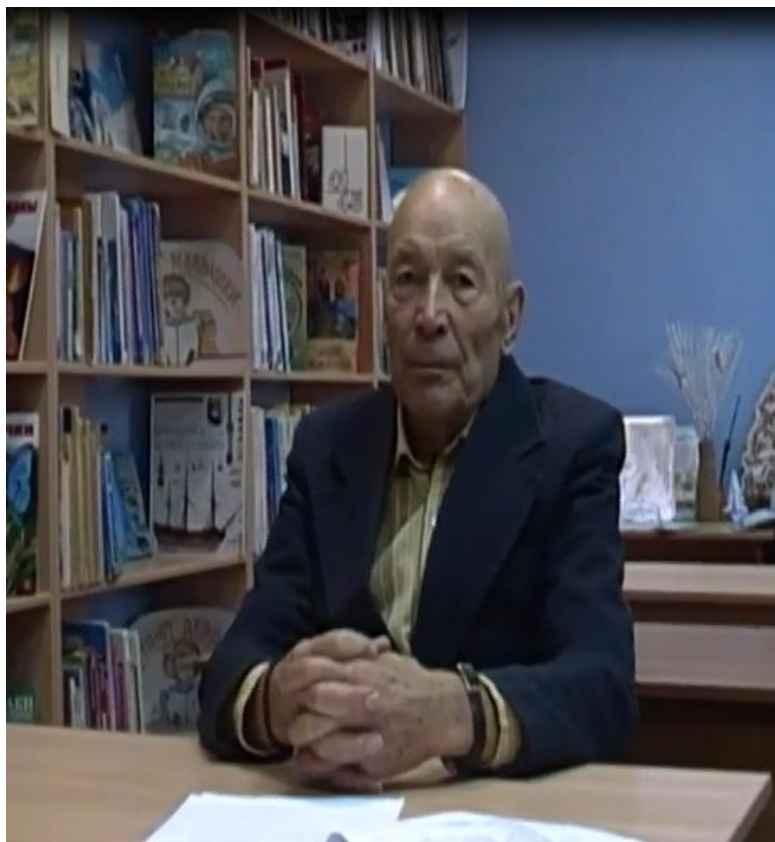
Нас у матери с отцом было трое девчат. Я старшая.

Когда началась война, мне было 6 лет. Отец ушел на фронт. Его почти не помню. Он погиб.

Я не помню всех событий того времени, но особо яркие моменты сохранились в моей памяти. В Скнаровке не было боёв. Место, где мы жили, было отрезано от остального села речкой. Переправы не было, поэтому фашисты к нам не прорвались.

Бои были слышны со стороны Чехуровки. Когда были слышны перестрелки, мы прятались в погребе: пережидали, боялись. Я плакала. Помню, в соседнем доме наши солдаты развернули полевую кухню и угощали ребятишек галетным печеньем. В нашем доме тоже советских солдат размещали на ночлег, дом у нас был большой. Дед всех принимал.

Еще один случай мне хорошо запомнился. Однажды я осталась дома с маленькой сестрой, а мать ушла к колодцу за водой.

Владимир Иванович Плужников

Пономарёва Антонина Васильевна

В школу ходили по очереди - не было обуви. Помню, брат мой Сашка, в школу ходил босиком, потом заболел.

Со школы приходили, шли на огород помогать. Огород тогда на коровах пахали. Раньше в колхозе выдавали 20 кг зерна на семью. Бабушка варила нам супы из дикого щавеля, лепёшки пекла.

С 7 лет я пасла телят, чтобы принести в семью молока. Вставать надо было рано, телят отгоняли на пастбище с 4 утра.

С 14 лет работала в Ленинграде, отправили на торфяные разработки. Нас, молодых девчат, отправляли на поездах, с собой давали, что было. Зато теперь мы зарабатывали деньги. Перед отъездом домой, купили одежду: сапожки, полушубки, платочки, которые у всех, были одинаковые.

Питались мы плохо, хлебушек самый дешевый – черняшка, иногда рыбка камса и кисель по 1 рублю в столовой. С детства, привыкшие к хлебу, мы любили его всегда. Горбушка свежего белого хлеба была вкуснее шоколадной конфеты.

Владимир Иванович Плужников

Когда провожали отца, я помню, посадил меня на плечи, и мы пошли на вокзал. На вокзале было много людей. Все плакали. Поцеловал меня, потом свою мать. Я видел как он сел в поезд, помахал мне рукой. Больше я никогда его больше не видел. Когда немцы приехали, помню, через день танки вступили. Машины колоннами шли по нашей улице. Нас из дома выгнали, мы перешли жить к соседям. Я немцев мало помню, большинство было итальянцев. Я помню как-то ночью разговор в доме. Одна женщина говорит: «Наши, наши, сыночек». «Тише, мамаша, ожидайте, мы придём». Это был мужчина в белом халате. Разведка. Через 2 дня я вышел на улицу, она была полна отступающими итальянцами. Они отступали гурьбой, на всю улицу сбежались и шли в сторону Ростова. Бросали вещи. Один бросил, что-то похожее на термос. Я хотел подобрать, а другой с винтовкой на меня. Итальянец поскользнулся, а я успел скрыться за угол дома. Война постоянно напоминала о себе. Всё чаще приходили письма-похоронки. Детства не было никакого.

(материал взят из видеозаписи к фильму Л. Адерихиной)

Любовь Пантелеевна Щербак (Ковалёва), 1930 г.

Родилась и вовремя войны жила в с. Талы Кантемировского района. Когда началась война, ей было 11 лет. Рассказывала, что во время оккупации очень трудно было и страшно. В селе были немцы и итальянцы. Отца забрали на фронт, в 43-м пришла похоронка. Дом сгорел, поэтому пришлось копать землянку. Так и жили всю войну в землянке большой семьёй: мама и пятеро детей. Итальянцы постоянно гонялись за курами и кричали: «Яйко! Яйко!». Забирали у нас яйца и нашу коровушку-кормилицу тоже забрали. Штаб немцев располагался в центре села в школе. Когда наши войска освобождали село, стреляли из с. Писаревка, и снаряды пролетали над нашим двором. В это время мы сидели тихо, не высывались. Когда всё затихало, аккуратно выходили. Всё вокруг было в огне. Было очень трудно, холодно и голодно. Выживали, кто как мог. Когда село освобождали, немцы очень много вещей оставили убегая. Поэтому многим детям родители из шинелей шили одежду: юбки, кофты. После войны, чтобы самой прожить и помочь семье, поехала в Ленинград на заготовки торфа.

Христенко Анастасия Никитична, 1935 г., п. Кантемировка

Тяжело жилось в военное время. Мне тогда было 6 лет. Когда немцы и итальянцы вступили в Кантемировку, и начались бомбёжки, люди укрывались в погребах. Раньше погреба были не такие, как сейчас. Это была маленькая комнатка с земляными стенами. Люди быстро сбрасывали туда подушки и бельё и пережидали удары. Завидев немцев издалека, кричали: «Немцы, немцы!».

Как я помню, были у нас и немцы, и итальянцы, и поляки. Они, конечно, не обижали нас, детей. Мы совсем маленькие были. А у соседки нашей дочка была уже взрослая, и как только появлялись немцы, мы прятали её в большом сундуке, чтобы они её не нашли.

Мы жили на окраине, там всего было 10 домиков. Кушать нечего было, из еды только картошка. Мы отваривали её в мундирах. И стоило только насыпать в миску горячую ароматную картошку, как немцы придут и съедят. Внизу недалеко от дома была речка. Итальянцы ходили туда собирать лягушек, они их ели.

Гранату бросят в речку, она взорвётся, и лягушки всплывают на поверхность. Раньше домики были маленькие, рядом сарай для коровы, погреб. Помню, у нас была корова. Придут итальянцы во двор и кричат: «Млеко, млеко». И выливают себе молоко. Или яйца забирали.

Братья ушли на фронт. Один служил в Севастополе на Черном море. А второго как забрали, так мы больше ничего о нём не знали. Старшего звали Андрей, младшего – Михаил. Мы их разыскивали. Андрей погиб в Польше, его взяли в плен. Об этом нам рассказал его друг, с которым они вместе служили. А младший брат без вести пропал.

Мы видели врага в лицо. Когда они приходили к нам, мы залазили на печку, а они в доме ложились. Иногда они угощали нас конфетами, похожими на аскорбинку. Маленьких они не трогали.

После войны я пошла во вторую школу. От дома до школы было километров пять. А мы были голые и босые. Наденешь большие итальянские ботинки, а ноги тряпками обмотаешь, чтобы не спадали. Зима холодная, снега много было. Пока дойдешь в школу, будешь весь мокрый. А в школе холодно.

Щербак (Ковалёва) Любовь Пантелеевна

Рогачева Вера Стефановна

В то время ручек у нас не было, была чернильница стеклянная: наливаешь воды, высыпашь порошок, и чернила готовы. Зимой принесёшь чернильницу в школу, а чернила в ней замерзли. Кое-как отогреешь в руках. А писали на чём? На газетах, потому что бумаги не было. Со школы домой пока дойдёшь – тоже замерзнешь. Печка-то была. А топили чем? Соломой. Да разве от соломы тепло станет? Окна замерзали так, что на них образовывался слой льда, как в морозилке. Что запомнила со школы, на праздник Октябрьской революции нам раздавали оладьи.

Как я узнала о победе? Немцы, когда бежали из Кантемировки, всё оставили. И вещи, и продукты. Печенье, консервы, одеяла разные. Потом мы с этих одеял шили себе юбки или жакеты. Одежды у нас хорошей не было, надеть нечего было.

Муж Иван Андреевич тоже воевал, но он вернулся с войны. Он после войны ещё служил. Присылал нам посылки. Сахар, помню, присылал. Положим его на печку в мешке, я туда воды долью, чтоб он скомковался.

Отец мой не воевал, его не взяли. Ему тогда было 45 лет. Он работал комбайнером. Хлеб убирал и сеял. А мы колоски собирали. Моя мама тоже работала в колхозе. Нас у мамы было шестеро детей. Я окончила 8 классов. Из-за войны в школу мы пошли поздно, в 9 лет. После школы я работала в швейной мастерской. А после - в типографии, где была печатником 25 лет.

Огороды раньше большие были, сеяли и пшеницу, и кукурузу. Пшеницу свяжем в небольшие снопы и раскладываем во дворе. Потом специальной палкой, которая называлась «цып», выбивали пшеницу. Затем проветривали зерно и убирали на хранение. После войны делали самодельные мельницы, чтоб пшеницу измелчить. Из получившейся муки пекли оладьи, хлеб.

Сейчас, когда по телевизору говорят о том, что назревает война, я думаю, что совести у людей нет. Они не жили так, как мы, в то тяжелое время.

Я совсем маленькая была и помогала матери. Пока её нет, я в доме хозяйничаю. Соседи удивлялись. Мы тогда всё делали. Всему научила нас жизнь.

Рогачева Вера Стефановна, 1939 год, п. Кантемировка

Семья наша состояла из дедушки, по папиной линии, папы, мамы и троих детей – я да сестра с братом. Отец ушёл на войну.

Мама работала в колхозе. Землю тогда пахали на быках, так вот мать обучала молодых бычков этому нелёгкому делу. Детство было голодное: питались желудями и калачиками. Но всегда помогали друг другу.

Помню итальянцев, звали их Чичи и Бруно. Они угощали нас галетами. Добрые были. Маму называли Тэтина, на итальянский манер.

Когда замечали в небе вражеские самолеты, сразу же всей семьей прятались в погребе. Я видела один такой налёт, дедушка однажды вынес меня посмотреть.

После освобождения Кантемировки от итальянцев и немцев осталось много вещей: продукты, одеяла, шапки, обувь. Вещами мы пользовались.

Лошадь, помню, осталась. Мы на ней потом катались.

